

МИФ ОБ АНТЕЕ У ДРЕВНИХ АВТОРОВ

(Очерк из античной мифологии)

Проф. А. В. Мишулин

Греческая мифология представляет собой богатейший арсенал образов, созданных эпическим творчеством народов древней Греции. Образы олимпийских богов, в которых персонафицируются стихии природы, образы славных героев (Тезей, Геракл, Антей), в которых народное творчество греков воплощало человеческую мощь и доблесть, наконец, бесчисленный мир мелких божеств (муз, дриад и т. д.)—все это в эпических народных символах раскрывает ту наивную, но полную художественной фантазии форму, в которой отражена минувшая действительность.

К числу интереснейших мифологических сюжетов, которые завещаны эпосом древней Греции в наследство мировой литературе, является миф об Антее.

С этим мифом мы столкнулись вновь в связи с подробным приведением его в речи товарища Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.

Легенда об Антее в тех или иных вариантах сложилась очень давно и может быть прослежена в мифологии у самых различных народов древности. В древней Вавилонии, у греков и римлян, в былинном эпосе древних славян (Илья Муромец, Микула Селянинович), у народов Средней и Восточной Азии был свой Антей, свой мифологический «сын земли». Но нигде, как у древних греков, не была столь систематизирована мифология, столь художественно разработаны отдельные сюжеты из жизни богов и героев, «людей неба и земли». Вот почему и миф об Антее, хотя и кратко, но более образно и законченнее оказался переданным нам от древних греков.

Антей—народный герой. Происхождение имени Антея современная лингвистика еще недостаточно изучила. До сих пор считали, что Антей—это «противоборец», и производили имя этого героя от греческого слова ἀντάω, что значит: противостояю, нахожусь в борьбе. Такая внешняя интерпретация, конечно, недостаточна и мало что дает нам. Дальнейшее изучение происхождения слова Антей должно идти по линии раскрытия его семантики, установления, из каких условий народной жизни, из каких корней древнегреческих понятий выросло и сложилось имя Антей. Древние греки миф об Антее не дали в отдельном, изолированном сюжете. Он был включен в эпопею подвигов Геракла, другого героя классической древности. О Геракле, как известно, слагалось много легенд, и различные

писатели древности передали нам двенадцать его знаменитых подвигов, среди которых на одиннадцатом месте стоит единоборство Геракла с Антеем. Только в связи с этими подвигами Геракла передается известный миф об Антее.

Знаменитый одиннадцатый подвиг приводит нас к мифу об Антее. Геракл отправляется на Дальний Запад, где на берегу океана росло дерево, приносившее золотые яблоки. Дерево это находилось в душистом саду Атланта, исполина, на плечах своих державшего свод небесный. За этим деревом ухаживали дочери исполина, нимфы Геспериды. Гераклу предстояло достать три золотых яблока с этого чудесного дерева. И вот, прежде чем Геракл сумел обмануть Атланта и достать яблоки Гесперид, ему предстояло испытать ряд приключений. Направляясь к Атланту, он должен был проехать через древнюю Ливию (север Африки). Там встретил его исполин Антей, который и вызвал его на борьбу. Этот сын Земли обладал неодолимой силой, ибо, пока Антей прикасался к матери Земле, он становился непреодолимым. Но Геракл охватил руками его, высоко поднял над Землей, согнул и лишил жизни. Оторванный от Земли сын ее потерял свою мощь и поэтому не мог больше сопротивляться. Так погиб великий исполин, о котором потом слагали различные легенды в народном эпосе.

В этой краткой форме, как выше мы передали сказание об Антее, оно дошло до нас от Аполлодора (II в. до н. э.). Этот автор написал дошедшую до нас «Мифологическую библиотеку», в которой он старался изложить греческую мифологию, пользуясь данными логографов о древнейших теогониях до Тезея. Хотя Аполлодор и является одним из самых ранних писателей из тех, которые в законченном виде передают нам миф об Антее, но писатель этот излагает миф слишком официально, без деталей и, главное, почти целиком подчиняет его мифу о Геракле. Это заставляет нас обратиться к другим источникам, хотя и более позднего времени, но вскрывающим более подробно детали мифа об Антее. Данные других авторов и их анализ, как мы покажем ниже, определенно устанавливают, что, вопреки версии Аполлодора, об Антее ходили различные другие сказания. Миф этот был весьма популярен в народном эпосе, но Аполлодор особенно им не интересовался. Ему нужен был всего лишь один сюжет в связи с проводимым им восхвалением подвигов Геракла.

Об Антее писали многие авторы древности до Аполлодора, однако их данные до нас не дошли. О популярности мифа об Антее среди писателей древности, в особенности логографов, говорит «Мифологическая библиотека», располагавшая тогда различными древними произведениями на эту тему со включением и мифа об Антее. О популярности сказания об Антее говорят и дошедшие до нас краткие свидетельства по различным поводам двух авторов задолго до Аполлодора: Пиндара и Платона.

Пиндар в двух своих одах передал нам некоторые детали сведений об Антее. В девятой истмийской оде, посвященной победителю в состязаниях на Коринфском перешейке Мелиссу, Пиндар сообщает любопытные отдельные сведения об Антее. Последний, по свидетельству поэта, царствовал в Ливии, в стране, обильной пшеницей. Царствовал там Антей, имея прекрасные чертоги, а «храм Посейдона покрыл он черепами странников», вторгавшихся в эту страну извне (П и н д а р, Истм. оды, IV, 9, 5). В этом сообщении интересны, следовательно, два момента, на которых поэт и фиксирует свое внимание. Это, во-первых, богатство царства Антея,

обилие пшеницы, что в глазах грека, представителя малопродуктивной страны, представляется как нечто, являющееся источником изобилия. И второй момент—это полная независимость царства Антея от внешнего мира. Всякого, кто вторгнулся в эту страну, убивали. Черепа убитых покрывали храм Посейдона, принимавший таким образом символическое значение полной независимости и безусловной неотразимости страны для врагов.

В другом свидетельстве Пиндара, в честь Телесикрата Киренского (П и н д а р, Пифич. оды, IX, 11, 9) сообщается другая интересная деталь, связанная с внутренней семейной жизнью Антея. Царь Ливии столицей своей имел город Ирассу; там находилась резиденция его и его семьи. В этом городе однажды было организовано известное в древности беговое состязание, в котором принимали участие и греческие герои. По примеру Даная в Аргосе это состязание затеял Антей в связи с замужеством его дочери. «Кудревласая дочь Антея», говорит Пиндар, славилась знаменитой своей красотой. Известные герои из соплеменников и из греков добивались ее руки. Антей решил дать свою дочь тому, кто на состязаниях первым придет к финишу и коснется руки его дочери. По сказанию, Алексидим «из номадских племен» (вероятно, из Нумидии) первым прибежал и овладел знаменитой ливийанкой.

К восстановлению мифа об Антее мы здесь получаем сведения о столице мифического царства Ливии и о некоторых, правда, второстепенных, но не лишенных интереса, с точки зрения античных отношений, элементах внутренней жизни этого царства.

Если Пиндар, автор VI в. до н. э., рассказывает об Антее, то, очевидно, этот миф был известен задолго до него. Использование его в поэзии говорит даже о том, что он был широко популярен в народе. Об этой популярности образа Антея в целом говорит и краткое свидетельство Платона, который в диалоге «Феэтет» (П л а т о н, Феэтет, 169 b., пер. Карпова) диалектические способности своего учителя Сократа сравнивает с неотразимостью Антея. Так, словами математика Феодора из Кирены Платон следующее говорит о Сократе: «Ты поступаешь скорее подобно Антею: подошедшего к тебе не отпускаешь, пока не принудишь его раздеться и сразиться с тобой на словах». Об Антее Платон вспоминает мимоходом и в своем трактате «Законы» (Законы, VII, 796a). Таким образом, и в V в. образ Антея пользовался известностью в философском обиходе.

Но если у нас мало исторических данных от ранних писателей древности для восстановления мифа об Антее, по возможности в различных его деталях, то сохранившиеся свидетельства поздних авторов уже римской, по преимуществу, эпохи позволяют более обстоятельно восполнить картину и восстановить ее в деталях.

Об Антее разбросан ряд замечаний в «Собрании греческих эпиграмм» (Палатинская антология), у Квинта Смирнского, у географа Страбона (XVII, 82, § 9), Овидия (Метаморфозы, IX, 183), Павсания (IX, 11, 6). Полнее сведения у Диодора Сицилийского, Плутарха, Каллистрата. У других писателей и поэтов древности, как, например, у Лукана в «Фарсалиях» (IV, 590), Стация в «Фиваиде» (VI, 893), Гигина (в отрывках) эти замечания об Антее весьма фрагментарны и порою, как у Овидия, сводятся к упоминанию всего лишь в одну строку. Весь этот список поздних авторов интересен с той стороны, что в мифологических версиях поздней античности Антей не терялся, твердо сохранял свое место и через ранние писания или современные, державшиеся в народе, сказания передавался в па-

мяти поколений, как незабываемый образ античного героя. Как Прометей или Спартак, Геракл или Тезей, так и Антей являлись в народной молве хорошо понятными, яркими образами и сохранившимися в литературе до самого конца античности.

Мы не будем перебирать все эти упоминания об Антее. Некоторые из них носят просто случайный характер. Остановимся только на двух-трех авторах, сведения которых ценны тем, что они дают нам действительно материал для восстановления античного мифа об Антее. С этой точки зрения интересны прежде всего сообщения Диодора Сицилийского, который в первой книге своей «Исторической библиотеки» дает два экскурса в связи с Антеем. По мнению этого автора (Диодор, Hist. bibl., I, 17, 3), царство Антея было основано египетским богом Озирисом, который Геракла сделал владыкой Гераклеи, Бусирида—стран, лежащих в сторону Финикии, а Антея сделал царем Ливии и Эфиопии (τῶν δὲ κατὰ τὴν Αἰθιοπίαν καὶ Λιβύην Ἀνταῖον).

В другом месте этой книги (I, 17, 5) Диодор сообщает, что в классической древности известно было поселение Антея, названное в честь одноименного героя, погибшего в битве с Гераклом во времена Озириса (по Диодору). В восточной мифологии это поселение Антея находилось в Аравии, очевидно, недалеко от Египта, и было известно тем, что здесь был, согласно Диодору, похоронен верховный бог Египта Озирис, убитый злодейски своим братом (τῆς οὖν Ἀνταίου κόμης ... τὴν προσηγορίαν δ' ἔλεγε ἀπὸ τοῦ χολασθέντος ὑπ' Ἡρακλέους Ἀνταίου, τοῦ κατὰ τὴν Ὀσίριδος ἡλικίαν γενομένου).

Что касается упоминания Диодора еще в другой книге (IV, 23, 3), то оно не так интересно, поскольку здесь повторяется уже известная версия о гибели Антея. Приведенные замечания Диодора интересны в той связи, что они намечают некоторую связь античного мифа об Антее с каким-то известным в эпоху этого писателя подобным сюжетом из восточной мифологии. Весьма вероятно, хотя это остается еще до сих пор неисследованным, что этот миф имелся и у народов Египта и, что еще более реально, в Вавилонии (например, в мифе о Гильгамеше). Изучение мифологического материала в народном эпосе древности должно будет вскрыть более детально различные черты образа Антея у отдельных народов.

Остановимся теперь на интересном сообщении Плутарха. Об Антее он оставляет свои замечания в биографии Сертория. «Серторий,—говорит Плутарх,—осадил г. Тингис (ныне Танжер.—А. М.)... по африканским преданиям, здесь находилась могила Антея. Не веря рассказам туземцев о его высоком росте, Серторий приказал разрыть его могилу. Говорят, что он нашел труп в шестьдесят локтей длиной. В изумлении он принес жертву и велел зарыть могилу, чем увеличил уважение к Антею и его известность. Тингисцы рассказывают легенду, что после смерти Антея жена его Тингида вышла замуж за Геракла (τὴν γυναῖκα Τίγγην Ἡρακλεῖ συνελθεῖν...). Сын их Софак сделался царем в этой стране и основал город, назвав его в честь своей матери. Сын Софака Диодор царствовал над многими африканскими народами, так как в его распоряжении находилось греческое войско, набранное из поселенных здесь Гераклом ольвийцев и микенцев. Обо всем это сообщает нам,—заключает Плутарх,—историк Юба» (Плутарх, Серторий, 9).

В этом сообщении для нас интересны и те замечания об «уважении к Антею и его известности» в древности, еще более увеличенном Серторием, как и те данные, которыми восполняется судьба рода Антея после смерти

последнего. Характерно, что сведения об образовании после гибели Антея новой столицы Ливийского царства в Тингисе, на севере Мавритании, сохранил нам только Плутарх, пользовавшийся данными историка Юбы. Косвенные свидетельства об этом дает и Страбон, который в своей «Географии», опираясь на римского историка Габиния, говорит, что гробница Антея действительно находилась в Мавритании. Правда, он говорит о гробнице «подле г. Линга» (Геогр., XVII, 3, § 8), но это и должно указывать на Тингис, который был в действительности недалеко от Линга. Надо признать интересными и сведения Плутарха о продолжении рода Антея в его царстве, так как это приоткрывает генеалогию нумидийских царей. Ведь, согласно Страбону, как раз род нумидийских царей и восходит к роду Антея. После мифических Софака и Диодора идут ведь как раз те нумидийские цари, с которыми Рим имеет дело посредством своего оружия. Таким образом, потерянные данные историка Юбы, частично переданные Плутархом в биографии Сертория, позволяют рассматривать миф об Антее, как восточный миф, причем нумидийского происхождения. Во всяком случае, в эпоху Юбы и Плутарха в литературе широко было распространено возведение генеалогии нумидийских царей к роду Антея, как и римских императоров к роду Энея-Юла. Наконец, одно из полных и законченных описаний мифа об Антее дается у представителя греческой риторической литературы II—III вв. — Филострата старшего. Этот автор, наряду с Филостратом младшим и Каллистратом, оставил нам интереснейшее описание произведений греческого искусства и, главным образом, картин. Каллистрат в этом отношении пошел дальше и дал даже описание произведений скульптуры. В своем искусстве, как мы знаем, древние греки отражали весьма полно различные мифологические сюжеты. В вазовой живописи, остатки которой дошли до нас, по преимуществу, только в описаниях, в скульптуре и орнаментации, всюду можно проследить комплекс греческих представлений на мифологические темы о богах и героях.

Для нас сейчас особый интерес представляет Филострат старший, который оставил нам описание картины «Антей». Мы не можем в настоящее время решить вопрос, действительно ли такая картина существовала в древности или она предстает перед нами в художественно-литературных красках самого Филострата. Из дошедших до нас памятников материальной культуры видно, что тема об Антее интересовала многих художников, занесших сюжет этого мифа на вазы, живопись которых, в частности, об Антее, частично сохранилась. Возможно, что на эту тему писались и целые картины. Но если описываемой у Филострата картины и не было никогда в действительности, то ее, пускай только литературно-художественное, описание творческой фантазией искусного ритора имеет не меньшее значение, чем любая картина. По этому описанию мы в состоянии будем установить весь арсенал тех мифологических представлений и фантастических понятий, которые автор черпал из народного эпоса, из жизни, из обыденных житейских представлений, чтобы своими собственными руками нарисовать литературный портрет Антея.

Описание «картины» Антея у Филострата столь живо и увлекательно передается и в то же время столь законченно и подробно, что его придется привести более детально, как не имеющее себе равного описания интересующего нас мифологического сюжета.

Антей, — говорит Филострат, — «похож на какого-то дикого зверя; еще немного, и он был бы подобен ему как длиною своего тела, так и его

шириной; шея у него вросла в плечи, рука у него заведена назад, а также и плечи, обозначая тем силу. Грудь и живот у него как бы выкованы из железа; его кривые, противные ноги хотя дают нам понятие о силе Антея, показывают еще, как грубо сколочен он, и что нет у него ни искусства, ни изящества формы. Кроме того, Антей еще черный, так как солнце своими лучами окрасило его в этот цвет (ἔτι καὶ μέλας Ἀνταῖος κελωρηχότος αὐτῷ τοῦ ἡλίου ἐς βαφῆν)».

«Таков вид обоих борцов (Геракл описан ранее.—А. М.) Ты видишь их уже в борьбе, вернее, кончивших эту борьбу, и Геракла ты видишь уже победителем. Он его задушил, подняв над землею, так как земля помогала Антею в борьбе, выгибаясь и как рычаг поднимая его, когда он падал на землю. Не зная, что ему делать с землей, Геракл схватил Антея по средине туловища, повыше подвздоха, там, где ребра; положил его прямо на бедро и, скрестивши обе руки, локтем вдавил его мягкий живот, там, где дыхание; он выдавил из него весь дух и убил, направив на его печень его же острые ребра. Ты видишь, как Антей жалобно кричит и смотрит на землю, которая ни в чем уже не может ему помочь, а Геракл в сознании своей силы улыбается, радуясь тому, что он совершил» (Филострат, II, 21, 5).

Интересно, что, по сообщению Филострата, боги наблюдали за происходившей борьбой и симпатизировали не Антею, а Гераклу.

«Эта вершина горы, смотри, она изображена не напрасно, но можешь себе представить, что на ней сидели боги, смотря на эту борьбу; вот изображено и золотое облако, которым прикрыты, думаю я, сидели они. И Гермес, вот этот, идет к Гераклу, чтобы его увенчать венком за то, что он так отлично провел перед ним борьбу» (Филострат, II, 21, 6).

Если обычно миф об Антее на этом заканчивается, то у Филострата это не так. Он его продолжает, чтобы как-то показать отомщение Гераклу за смерть Антея. Он рисует другую картину под названием «Геракл среди пигмеев», где показывается испытание Геракла после смерти Антея.

Описание этой картины столь художественно и интересно, что мы его также приведем подробно.

«Когда Геракл спал в Ливии после своей победы над Антеем, на него напали пигмеи, говоря, что хотят отомстить за Антея; они утверждают, что они родные братья Антея, одного с ним рождения; не атлеты они, в борьбе с ним не равны, но так же, как он, землей рождены, и вообще они сильные существа: когда выходят они из земли, как волны волнуется с самого низу песок»... «Но что за смелость у них? Они решили напасть на Геракла и убить его, когда он спит, а ведь они должны были бояться его, даже когда он не бодрствует. Геракл спит на мягком песке, так как усталость охватила его, и всей грудью он дышит во время сна открытым ртом, весь исполненный сна. Сам сон стоит около него в человеческом виде, ставя себе в великую честь, что свалил Геракла. Лежит здесь и Антей, но искусство художника сумело изобразить Геракла живым и теплым, а Антея же мертвым, застывшим, показывая, что в таком лишь виде он был отдан земле. Войско пигмеев окружило Геракла, одна их фаланга идет войной на левую его руку, два другие отряда нападают на правую, более сильную, а обе его ноги осажены стрелками и толпой пращников, пораженных ужасом при виде геракловых икр. Те же, кто идут войной на его голову, пододвигают машины, как будто к какой-нибудь крепости, к волосам прикладывают огонь, а к носу, думаю, двери, так, чтобы Геракл

даже не мог и дышать, когда будет захвачена его голова. Вот что они делают около спящего» (Филострат, II, 22, 1—4).

Дальнейшее описание этой картины, напоминающей нам во многом Гулливера и лилипутов, сводится к концу, прямо обратному тому, что имеется в сатире знаменитого Свифта.

Филострат показывает далее пробуждение Геракла, который встает и смеется над пигмеями и, наконец, расправляется с ними, собрав их всех в свою львиную шкуру.

Таков финал картины занимающего нас мифа об Антее в описании Филострата. Из всего этого детального описания картин, связанных с Антеем, бросаются в глаза как те новые, отсутствующие у других писателей об Антее моменты, так и те старые, которые в передаче Филострата позволяют вскрыть первоначальное античное сказание об этом герое. В частности, и Филострат говорит об Антее, как о восточном герое, жителя Ливии, черной от солнца кожей отличавшемся от Геракла. В этом косвенно также сквозит восточное происхождение самого мифа, что заставляет нас искать первоначальный образ Антея в восточной мифологии.

Нельзя не отметить в античной историографии особой тенденции поднять Геракла над Антеем, несмотря на все безыскусственное уважение к последнему. Антей—герой, но Геракл его побеждает.

Так получается в античной мифологии потому, что Геракл стоит на службе богов, он с ними связан и в конце концов за свои подвиги он и обожествляется. Антей же представляет собой силы, скорее противоречащие богам, подобно тому, как противостояли им гиганты (титаны). Недаром Антей, как и гиганты, рожден Геей—богиней земли. Весьма вероятно поэтому, что в борьбе Антея и Геракла сквозит отзвук мифологических сказаний о борьбе богов и гигантов, что представляет собой уже большой и самостоятельный сюжет из античной мифологии, подлежащий отдельному рассмотрению.

Античная историография часто была крайне тенденциозной и, конечно, в описании богов и гигантов занимала позицию официальной религии и культа олимпийских богов.

И при всем этом миф об Антее не третировался; он часто описывался и, очевидно, сильно поддерживался в народных сказаниях. По народным представлениям, даже могила Антея была окутана священным ореолом. Древние сказания передают об обычае разрыхлять землю на могиле Антея, чтобы вызвать дождь в слабо орошаемой Мавритании. Следует еще раз подчеркнуть, что в искусстве древних греков Антей находил свое отражение. Нельзя не сказать, что, по сообщению Павсания, на фронтоном храма в Фивах красовалось изображение Антея, борющегося с Гераклом, причем это было сделано знаменитым Праксителем, который, изображая двенадцать подвигов Геракла, вместо одного из них (очищения Элейской страны) дал борьбу его с Антеем (Paus., IX, 11,6).

Задачей науки является сведение воедино всех тех данных искусства и литературы древних, которые позволяют нам восстановить миф во всей его полноте.

Другой задачей науки является изучение того, как образ Антея передавался в литературе веков, в особенности в новое время. Ведь интересно, что такие образы, как Прометей, Спартак и Антей, были наиболее популярными со времен Французской буржуазной революции. По литературе начала XIX в. можно проследить, что если античный образ Спартака

имел значение призыва к революционной борьбе, то образ Антея являлся символом неодолимой мощи, неисчерпаемой силы масс, связанных с матерью землей.

Дальнейшей задачей в разработке мифа об Антее является, таким образом, разрешение, во-первых, проблемы восточного происхождения этого мифа или, по крайней мере, связи его с восточной мифологией, во-вторых, проследить, как он изображается в мифологических представлениях «сына земли» у народов СССР, и, наконец, какое отражение нашел этот миф в позднейшей художественной литературе.

Выступление товарища Сталина, использовавшего в своей исторической речи образ Антея, должно заставить нас, историков, разработать этот полузабытый миф и воскресить образ того героя античности, который в памяти человечества является лучшим символом неодолимой силы матери земли.

